

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР

Из GA 108

ПРАКТИЧЕСКАЯ ВЫРАБОТКА МЫШЛЕНИЯ

Карлсруэ, 18 января 1909 г.

Могло бы показаться странным, что именно Антропософия чувствует себя призванной говорить о практической выработке мышления, ибо извне очень часто высказывается мнение, что антропософия есть нечто в высшей степени непрактичное, что она не имеет ничего общего с жизнью. Такое мнение возможно только при поверхностном рассмотрении подобных вещей. В действительности же то, что имеется здесь в виду, должно стать путеводной нитью для самой повседневной жизни; должно превратиться в ощущение и чувство и сделать для нас возможным уверенно противопоставить себя жизни и твёрдо стоять в ней.

Люди, называющие себя практичными, внушают себе, что действуют на основании самых практичных принципов. Но если глубже вникнуть в дело, то обнаружится, что так называемое "практическое мышление" часто вообще есть не мышление, а укоренение в принятых суждениях и привычках мышления. Если вы абсолютно объективно подвергнете испытанию мышление практиков, то, что обычно называют мыслительной практикой, вы найдёте, что за этим порой скрывается очень мало действительной практики, а то, что называют практикой, заключается в том, что научаются, как мыслил наставник, как мыслил тот, который когда-то сфабриковал то или иное, и как с этим сообразоваться. И того, кто думает по иному, считают непрактичным человеком, ибо ведь его мышление не совпадает с тем, что ему было однажды привито.

Если же действительно когда-нибудь было найдено нечто практическое, то это прежде всего делалось не нормальным практиком. Рассмотрим, например, нашу современную почтовую марку. Естественнее всего было бы подумать, что она была изобретена практиком почтового дела. Но это не так. В начале последнего столетия было ещё очень сложным делом отдать письмо на почту. Если кто-нибудь хотел послать письмо, он должен был пойти в соответствующее место, где сдавались письма, и здесь нужно было наводить справки в различных книгах, а с этим были связаны различные неудобства. Такой единый почтовый тариф, к которому привыкли в настоящее время, существует едва шестьдесят с лишним лет. И наша современная почтовая марка, давшая эту возможность, была изобретена не практическим почтовым чиновником, а человеком, далеко стоящим от почты - англичанином Гиллем.

И когда была изобретена почтовая марка, министр, стоявший тогда во главе почты, сказал в английском парламенте: "Во-первых, трудно поверить, что благодаря этому упрощению действительно так чрезвычайно увеличится почтовое сообщение, как это рисует себе непрактичный Гилль, а во-вторых, даже если предположить, что оно и будет так, то для такого обмена почтовое здание в Лондоне оказалось бы слишком мало". Но этому Большому практику совершенно не приходило в голову, что здание почты должно сообразовываться с количеством корреспонденции, а не корреспонденция со зданием почты. И сравнительно в самый короткий срок в жизнь вошло то, что "не практик" должен был тогда отстаивать перед "практиком": в наше время само собой разумеется, что письмо отправляется с помощью почтовой марки.

Подобным же образом обстоит дело с железной дорогой. Когда в 1835 году должна была быть построена в Германии первая железная дорога из Нюрнберга в Фюрт, запрошенная об этом медицинская коллегия высказала своё компетентное мнение, что неблагоприятно строить железную дорогу, если же всё-таки намерены это делать, то, по крайней мере, следовало бы справа от железной дороги поставить высокий забор, дабы уберечь прохожих от сотрясения нервов и мозга.

Когда должна была быть построена железная дорога Потсдам - Берлин, генерал-почтмейстер Наглер сказал: "Я отправляю ежедневно две почтовые кареты в Потсдам, и они не полны; если люди непременно хотят бросать деньги в окно, то пусть они это делают непосредственно."

Различные факты жизни опережают "практиков", тех, кто считает себя практиком. Необходимо отличать то, что является подлинным мышлением от так называемой практики мышления, которая есть лишь суждение сообразно с привитыми привычками мышления.

Я хочу рассказать вам маленький случай, некогда происшедший со мной, и поставить его во главу нашей сегодняшней беседы. В мои студенческие годы пришёл ко мне молодой коллега, исполненный той радости, какую можно встретить у людей, в чью голову пришла блестящая идея, и сказал: "Я должен сейчас идти к профессору Радингеру (который преподавал тогда в высшей школе машиностроительство), потому что я

сделал грандиозное открытие. Я нашёл, как, употребив однажды совсем небольшое количество энергии пара, пустив её с помощью машины в оборот, можно производить огромную работу". Больше он ничего не мог сказать - он очень спешил к профессору. Но, не застав упомянутого профессора дома, он вернулся и рассказал мне, в чём дело. Мне показалось это чем-то вроде вечного двигателя, но почему бы в конце концов этому не осуществиться, не правда ли? Однако после того как он мне всё объяснил, я должен был ему сказать: "Послушай, хотя всё придумано остроумно, но на практике совершенно похоже на то, как кто-нибудь садится в вагон железной дороги, начинает изо всей силы толкать и думает, что вагон благодаря этому поедет. Таков принцип мышления в твоём изобретении. Тогда он тоже с этим согласился и к профессору больше не пошёл.

Таким образом, можно до известной степени изолироваться со своим мышлением. Это изолирование отчётливо заметно в особо редких случаях; однако в жизни многие люди изолируют себя, и это не всегда проявляется так очевидно, как на нашем примере, но тот, кто может наблюдать несколько интимнее, знает, что таким образом протекает большое количество человеческих мыслительных процессов. Он видит часто, как люди, так сказать, стоят в вагоне и толкают его, полагая, что это они двигают вагон. Многое из того, что протекает в жизни, протекало бы совершенно иначе, если бы люди не были стоящими внутри вагона толкачами.

Действительная практика мышления, предполагает развитие правильного взгляда, правильного чувства к мышлению. Каким же образом можно развить правильную позицию по отношению к мышлению? Никто не может иметь верного чувства к мышлению, кто думает, что мышление есть нечто протекающее только внутри человека, в его голове или в его душе. Кто так думает, тот будет постоянно отвлекать неверным чувством от поисков правильности практики мышления, от предьявления к своему мышлению необходимых требований. Кто хочет достичь верного чувства к мышлению, должен сказать себе, если я могу образовывать себе мысли о вещах, если посредством мыслей я могу что-то узнавать о вещах, то мысли сначала должны быть в самих вещах. Вещи должны быть построены сообразно мыслям, - только тогда я могу извлечь мысли из вещей.

Человек должен представить себе, что с вещами в мире дело обстоит также, как с часами. Сравнение человеческого организма с часами употребляется очень часто, но по большей части люди забывают при этом главное, что существует также и часовщик. Нужно уяснить себе, что колесики сошлись не сами, не сами сложились, и не сами заставляют часы идти, но что сначала был часовщик, который собрал эти часы. Часовщика-то и не следует забывать. Часы явились благодаря мыслям, мысли как бы пролились в часы, в вещь. Также следует представлять себе процессы природы. В том, что является делом человека, это показать легко. В делах же природы человек не может так легко заметить, а между тем, и они являются духовными действительностями, и за ними стоят духовные существа. И когда человек мыслит о вещах, то он мыслит только о том, что было в них сначала заложено. Вера в то, что мир создан мышлением и ещё продолжает непрерывно таким образом создаваться, прежде всего делает плодотворной внутреннюю практику мышления.

Именно неверие духовному в мире на научной почве создаёт самую большую непрактичность мышления. Так, например, если кто-нибудь говорит: наша планетная система создавалась таким образом, что в начале существовал первичный туман, он начал вращаться, сжался в центральное тело, от него отделились кольца и шары и, таким образом, механически возникла вся планетарная система, - тот, кто говорит так, делает большую ошибку в мышлении. В настоящее время это показывают в каждой школе весьма милым опытом: в стакан воды помещают каплю жира, пропускают сквозь неё иглу и приводят всё это во вращение. Тогда от большой капли отделяются маленькие капельки и получается планетарная система в миниатюре - и думают, что наглядно показали ученику, как это может образоваться чисто механически. Только непрактическое мышление может связывать с этим милым опытом такой вывод, ибо тот, кто переносит это на великую мировую систему, забывает нечто, что иногда бывает весьма полезно забывать - самого себя, он забывает, что ведь это он сам привёл во вращение иглу. Не будь его и не сделай он всего этого, никогда не произошло бы деления капли жира на капельки. Если бы человек это также наблюдал и перенёс бы на планетную систему, он только тогда применил бы полное мышление. Такие ошибки мышления играют сегодня огромную роль и особенно в том, что сейчас называют наукой. Эти вещи гораздо важнее, чем обыкновенно думают.

Если хотят говорить о настоящей практике мышления, необходимо знать, что мысли можно почерпнуть только из такого мира, в котором они уже действительно существуют. Подобно тому как воду можно зачерпнуть из такого стакана, в котором вода уже действительно есть, так и мысли можно почерпнуть из вещей, в которых они заключены. Мир построен сообразно мыслям, только поэтому можно почерпнуть из него мысли. Не будь этого, не могла бы создаться никакая практика мышления. Но если человек ощутит до конца здесь высказанное, его легко можно будет вывести из абстрактного мышления. Если человек имеет полное доверие к тому, что за вещами стоят мысли, что реальные факты жизни протекают сообразно мыслям, тогда, если он имеет это ощущение, он легко обратится к практике мышления, построенной на

действительности, на реальности. Мы хотим привести нечто из той практики мышления, которая особенно важна для стоящих на почве антропософии. Кто проникнут тем, что мир фактов протекает в мыслях, тот поймёт важность выработки правильного мышления. Предположим, что кто-нибудь говорит себе: "Я хочу так оплодотворить моё мышление, чтобы оно действительно всегда ориентировалось в жизни" - тогда ему следует придерживаться того, что теперь должно быть сказанным. И то, что будет дано, следует понимать так, что это действительно практические принципы и что это будет иметь известное действие, если стремиться всё снова и снова к тому, чтобы согласовывать с этим своё мышление. И что это мышление тогда становится практическим, хотя вначале таковым и не выглядит. И более того, когда проводят такие принципы, мышление приобретает совершенно иной опыт.

Предположим, что некто пробует делать следующее: сегодня он наблюдает в мире доступное ему событие, которое он может наблюдать по возможности точно, скажем, например, погоду. Он наблюдает вечернее расположение облаков, как зашло солнце и так далее, и затем создаёт точный образ того, что он наблюдал. Он пытается в течение некоторого времени удерживать это представление, этот образ, во всех подробностях; он как можно дольше удерживает это представление и старается сохранить его до следующего дня. На следующий день, приблизительно в то же время, или в другое, он опять наблюдает условия погоды и опять старается создать себе точную картину.

Когда он таким способом образует себе точные картины следующих одно за другим состояний, то ему становится в высшей степени ясно, как он постепенно внутренне обогащает своё мышление и делает его интенсивным, ибо то, что человек обыкновенно слишком склонен в следующих друг за другом событиях в мире исключать подробности и удерживать только совершенно общие расплывчатые представления, - это и делает мышление неверным. Ценным, существенным, оплодотворяющим мышление является как раз способность формировать себе точные картины следующих друг за другом событий и затем говорить себе: вчера дело обстояло так, а сегодня так, - и при этом обе картины, являющиеся в действительном мире отдельными друг от друга, возможно более образно провести перед душой.

Это ни что иное, как особенное выражение доверия мыслям реальности. Человек не должен спешить с выводами и заключать из того, что он наблюдал сегодня, какая погода будет завтра. Это исказило бы его мышление. Он должен, скорее, доверять тому, что во вне, в реальности вещи связаны между собой, что завтрашнее так или иначе связано с сегодняшним. Он не должен рассуждать отвлечённо по этому поводу, но сначала продумать в самом себе в возможно более точных картинах, представлениях то, что во времени следует одно за другим, и затем поставить эти картины, и дать им перейти одной в другую. Это совершенно определённый принцип мышления, который необходимо проводить, если действительно хотят развить мышление, соответствующее сущности дела. Хорошо проводить этот принцип особенно по отношению к таким вещам, которых ещё не понимают, в которых ещё не проникли во внутреннюю связь. Поэтому именно в таких явлениях, в которых ещё ничего не понимают, как, например, в погоде, следует довериться тому, что они, будучи связаны вовне, вызывают связь также и в нас; и это должно происходить только в образах при воздержании от рассуждения, нужно сказать себе: я ещё не знаю этой связи, но я дам этим вещам возникнуть во мне, и они произведут во мне нечто, и именно в том случае, если я буду воздерживаться от отвлечённого рассуждения. Вы легко поверите, что когда человек при воздержании от мышления составляет себе возможно более точные представления о следующих друг за другом явлениях, то в невидимых членах человека сможет нечто произойти.

Человек имеет астральное тело как носителя жизни представлений. До тех пор, пока человек рассуждает, его астральное тело является рабом его Я. Но оно не исчерпывается этой сознательной деятельностью, ибо оно стоит также в известном отношении ко всему Космосу.

В той же мере, в какой мы не даём действовать произволу нашего мышления, воздерживаясь от него, и составляем себе только образные представления следующих друг за другом событий, - в той же мере без нашего сознания об этом действует в нас и напечатлеваются в нашем астральном теле внутренние мысли мира. Поскольку мы включаем себя в ход мира через наблюдение процессов в мире и воспринимаем в наши мысли образы возможно более чистыми и даём им действовать в нас, поскольку мы становимся умнее в тех членах, которые находятся вне нашего сознания. Если мы когда-нибудь сумеем при таких внутренне связанных между собой картинах дать одному образу перейти в другой подобно тому, как этот переход совершился в природе, мы после некоторого времени увидим, что наше мышление приобрело как бы известную гибкость.

Так должны мы поступать с вещами, которых мы ещё не понимаем, по отношению же к вещам, которые мы понимаем, мы должны держаться несколько иначе, например, по отношению к процессам нашей повседневной жизни, разыгрывающейся вокруг нас. Например, кто-нибудь, может быть ваш сосед, сделал то или другое. Мы размышляем над тем, зачем он это сделал. Мы думаем, что он сделал это сегодня, может быть, как подготовку к чему-то, что он хочет сделать завтра. Затем мы больше ничего не говорим, а точно представляем себе, что он сделал, и пытаемся нарисовать себе картину того, что он сделает завтра. Мы представляем себе, что завтра он сделает то-то и то-то и выжидаем, что он действительно сделает. Может

случиться, что мы завтра заметим, как он действительно делает именно нарисованное нами себе. Может также случиться, что он сделает нечто другое. Мы увидим, что произойдёт, и постараемся, в зависимости от этого, исправить наши мысли.

Таким образом, мы в настоящем отыскиваем события, за которыми мысленно следуем в будущее и выжидаем, что произойдёт. Это мы можем проделывать с поступками людей и с другими вещами. Там, где мы что-нибудь понимаем, мы пытаемся создать себе картину того, что, по нашему мнению, произойдёт. Если ожидаемое наступит, то наше мышление было правильным, и это хорошо. Если же произойдёт что-нибудь иное, чем ожидавшееся нами, мы пытаемся поразмыслить над нашей ошибкой и исправить таким образом наши неверные мысли спокойным наблюдением и исследованием, в чём заключается ошибка, в чём причина того, что произошло именно так. Если мы достигли верного, то мы особенно тщательно должны остерегаться того, чтобы носиться со своим пророчеством: "Да, я уже вчера знал, что такое случиться!".

Это опять был принцип, вытекающий из доверия к тому, что в самих вещах и событиях лежит внутренняя необходимость, что в самих фактах лежит нечто, что движет вещи вперёд. И то, что там внутри работает от сегодня к завтра, это силы мысли. Углубляясь в эти вещи, мы осознаём эти силы мысли. Такими упражнениями мы вызываем в нашем сознании эти силы мысли, и, если исполняется то, что мы предвидели, мы совпадаем с ними, тогда мы стоим во внутренней связи с реальной, мыслительной деятельностью вещи. Таким образом, мы приучаемся мыслить не произвольно, а из внутренней необходимости, природы вещей.

Но и в другом направлении можем мы дисциплинировать нашу практику мышления. Какое-нибудь событие, происходящее сегодня, имеет некое отношение к тому, что произошло вчера, например, какой-нибудь ребёнок был сегодня непослушен, каковы могут быть причины этого? Мы прослеживаем события обратно с сегодня на вчера, конструируя причины, которых мы не знаем, мы говорим себе: "Я думаю, так, как это случилось сегодня, это было тем или иным подготовлено вчера или позавчера". Затем выясняют себе, что произошло в действительности, и, таким образом, правильно ли мыслили. Если нашли правильную причину, то это хорошо, если же составили себе неверное представление, то пусть попытаются уяснить себе ошибку и найти, как развивался процесс мыслительно и как он протекал в действительности.

Важно провести этот принцип, чтобы мы действительно нашли время так рассматривать вещи, как если бы мы с нашим мышлением были внутри вещей, погружаясь в вещи, во внутреннюю мыслительную деятельность вещей. Если мы будем это делать, то постепенно заметим, как мы буквально срастаемся с вещами, что мы больше уже не имеем чувства, что вещи вовне, а мы внутри и размышляем о них, но получаем такое чувство, как если бы наше мышление двигалось внутри вещей. Когда человек достиг этого в высокой степени, ему многое может стать ясным.

Таким человеком, в высокой степени достигшим того, чего таким образом можно достигнуть, таким мыслителем, который своими мыслями всегда пребывал внутри вещей, был Гёте. Психолог Гайнрот в 1822г. в своём "Учебнике по антропологии" сказал, что мышление Гёте было предметным. Сам же Гёте был бы рад такому определению. Оно должно было указывать на то, что такое мышление не отделяется от вещей, оно остаётся внутри вещей, движется в пределах необходимости вещей. Мышление Гёте было одновременно созерцанием, его созерцание одновременно мышлением.

Гёте достиг многого в области такого развитого мышления. Так случалось не раз. Гёте собирался что-нибудь сделать, подходил к окну и говорил тому, кто был с ним: "Через три часа будет дождь" - так оно и бывало. По маленькому клочку неба, который он видел в окне, он мог сказать, что произойдёт в ближайшие часы в смысле условий погоды. Его верное пребывающее в вещах мышление давало ему возможность чутко, что из предыдущего подготавливалось, как позднейшее событие.

В действительности практическим мышлением можно достичь гораздо большего, чем обычно думают. Когда владеют теми принципами мышления, которые были только что описаны, то замечают, что мышление стало действительно практическим, что взор расширяется и что совершенно иначе охватывают вещи мира, чем без этого. Постепенно человек ставит себя в совершенно иное положение к вещам, а также и к людям. Это - действительный процесс, который происходит в нём, который меняет его поведение. Это может иметь огромное значение, если человек действительно попытается через своё мышление срастись таким образом с вещами, ибо делать такие упражнения является в высшей степени практическим принципом мышления!

Другим является упражнение, которое в особенности должны были бы делать те люди, которые обыкновенно в нужный момент не могут найти, которым в нужный момент не приходит на ум то, что нужно. То, что такие люди должны были бы делать, заключается в том, чтобы в каждое мгновение отдаваться тому, что приносит с собой мировое течение, что приносят с собой вещи. Чаще всего бывает так, что человек, имея свободные полчаса, чтобы лечь- отдохнуть, отпускает свои мысли на волю. И тогда они разрастаются в сотни и тысячи раз. Или, может быть, его займёт та или иная забота в жизни -вмиг вползла она в его сознание и - он совершенно захвачен ею. Если человек делает это - он никогда не достигнет того, чтобы в нужный момент ему пришла в голову нужная мысль. Если он хочет достичь этого, он должен держать себя следующим образом: если у него есть свободные полчаса для отдыха, он должен себе сказать: я хочу, как только у меня появляется время, думать о чём-то таком, что я сам себе выберу, что я

произвольно вношу в моё сознание. Сейчас, например, я хочу думать о чём-либо таком, что я, может быть, пережил раньше, может быть, во время прогулки два года тому назад, я хочу совершенно произвольно ввести в моё мышление переживание и хочу думать об этом, хотя бы только пять минут. Я сам выберу себе то, о чём я хочу думать. Выбор даже не должен быть так труден, как я только что сказал. Дело вовсе не в том, чтобы путём трудных упражнений действовать на процесс своего мышления, а в том, чтобы вырваться из того, во что бываешь вовлечён жизнью. Это должно быть нечто такое, что выходит из того, во что бываешь вплетён обыкновенно в течение дня. И если страдают отсутствием находчивости, если ничего не приходит в голову, можно помочь себе, раскрыв книгу и думая о том, что прочтёшь с первого взгляда. Или же говорят себе, сегодня я подумал о том, что я видел, когда в определённое время утром вышел на работу и что я иначе оставил бы без внимания. Это должно быть нечто такое, что выходит из обыкновенного хода дня, о чём в другое время и не подумали бы.

Если систематически, всё снова и снова делать такие упражнения, то происходит так, что получаешь нужные мысли, что в нужный момент приходит на ум то, что должно придти. Благодаря этому мышление приобретает подвижность, а это необычайно важно в практической жизни.

Другое упражнение особенно хорошо для воздействия на память. Сначала пробуют в общих чертах, как обыкновенно вспоминают о вещах, вспоминать о каком-либо событии, происшедшем, скажем, вчера. Обыкновенно; воспоминания людей бесцветны, обычно довольны уже тем, что вспоминают хотя бы имя человека, которого встретили вчера. Но мы этим не можем довольствоваться, если хотим развить нашу память. Это мы должны себе уяснить. Мы систематически должны проводить следующее, мы должны сказать себе: "Я хочу совершенно точно вспомнить человека, которого я видел вчера. На каком углу я его видел и то, что было вокруг него. Я хочу совершенно точно нарисовать себе картину, а также я хочу образно представить себе его сюртук, его жилет." Тогда большая часть людей заметит, что этого они совершенно не умеют, что для них это совершенно невозможно. Они увидят, как многого им недостаёт для того, чтобы получить действительное образное представление встреченного и пережитого вчера.

Мы должны, прежде всего, исходить из самих частных случаев, при которых человек не в состоянии вырвать в воспоминании то, что он пережил вчера. Человеческое наблюдение действительно в высшей степени неточно. Опыт одного университетского профессора со своими слушателями показал, что из тридцати слушателей только двое верно наблюдали происшедшее. Двадцать восемь же наоборот. Хорошая же память - дитя точного наблюдения. Итак, при развитии памяти вопрос именно в том, чтобы точно наблюдать. Хорошую же память развивают в себе путём точного наблюдения. Хорошая память родится из хорошего наблюдения, на известном душевном окольном пути.

Но что делать, если не могут вначале точно вспомнить того, что пережили вчера? Сначала пусть попытаются вспомнить, возможно точно, какой-нибудь случай или происшествие, а там, где не помнят, пусть попытаются представить себе что-то фактически неверное, только пусть это будет нечто цельное. Предположим, вы совершенно забыли, носил ли коричневый или чёрный сюртук тот, кого вы встретили, тогда вы, может быть, представите себе, что на нём был коричневый сюртук и коричневые брюки, на его жилете были такие-то и такие-то пуговицы, галстук был жёлтый и было такое-то положение - стена была жёлтая, слева проходил человек большого, справа маленького роста и так далее.

То, о чём помнят - включают в эту картину, а то, чего не помнят - дополняют, лишь бы получить в духе полную картину. Картина сначала, конечно неверная, но тем, что вы стараетесь получить полную картину, вы получаете побуждение к тому, чтобы с этого времени точнее наблюдать. И вы продолжаете такие упражнения. И если вы проделаете это пятьдесят раз, то на пятьдесят первый вы будете совершенно точно знать, как выглядел тот, кого вы встретили и что на нём было, вы всё в точности запомните и для вас запечатлется каждая мелочь, вплоть до жилетных пуговиц. Таким образом, вы сначала при помощи упражнений уточнили вашу способность наблюдения, а затем достигли улучшения вашей памяти как плода способности наблюдения.

Особенно тщательно надо следить за тем, чтобы удержать в памяти не голые имена и отдельные черты того, что хотели вспомнить, но постараться получить возможно более образные представления, простирающиеся на все подробности, и если чего-нибудь не могут вспомнить, стараются дополнить картину, создать из неё нечто цельное. Тогда мы вскоре увидим, как окольной дорогой является это, наша память становится верной.

Так мы видим, что можно дать определённый приём, благодаря которому человек может делать своё мышление всё более и более практическим. Особенно важно следующее: когда человек что-нибудь соображает, у него является известное стремление достигнуть решения. Он соображает, как ему сделать то или иное, и приходит к тому или иному решению. Это совершенно понятное побуждение. Но это не то, что ведёт человека к практическому мышлению. Всякая торопливость в мышлении ведёт не вперёд, а назад. Нужно иметь терпение в этих вещах.

Ты, например, должен выполнить то или иное - ты можешь это сделать так или иначе, имеются различные возможности. Имей терпение и попытайся представить себе, что произойдёт, если это исполнить

одним образом, и попытайтесь представить себе, как бы это выглядело в ином случае. Всегда будут основания, почему предпочитается то или иное, и тогда пусть воздержатся от того, чтобы тотчас же принять решение, но постараются нарисовать себе две возможности и затем сказать себе: "Так, теперь довольно, теперь я перестану думать об этом".

Встретятся люди, которые при этом будут становиться робкими, тогда трудно преодолеть эту робость, но чрезвычайно важно преодолеть её и сказать себе: "Можно поступить так и так, ну, а теперь я некоторое время не буду думать об этом". Если можно - пусть отложат поступок до следующего дня и снова представят себе две возможности и найдут, что вещи тем временем изменились. И на следующий день мы решаем иначе, по крайней мере сознательнее, чем мы решили бы накануне. Вещи заключают в себе внутреннюю необходимость, и, если мы не действуем нетерпеливо и произвольно, а даём работать в нас этой внутренней необходимости - а она будет в нас работать - то на следующий день наше мышление явится обогащённым и сделает нам возможным более правильное решение. Это необычайно полезно.

Например, спрашивают вашего совета относительно того или другого - вы должны что-нибудь решить. Должно именно не раздражаться тут же своими решениями, но сначала представить себе различные возможности и самому не принимать никакого решения по этому поводу, а терпеливо и спокойно предоставить действовать самим возможностям. Говорят же в народе, что нужно "обоспать" дело, прежде чем решить его. Но одного обоспания недостаточно. Необходимо обдумать две или лучше несколько возможностей, которые затем продолжают работать в человеке, если, как сказано, не участвуешь в этом своим сознательным Я, и позднее снова вернуться к этому делу. Увидят, что таким образом оживляют внутренние силы своего мышления, и мышление становится благодаря этому всё более соответствующим делу, более практическим.

И кем бы человек ни являлся в этом мире, стоит ли он за верстаком или за плугом, или же он принадлежит к одному из так называемых квалифицированных, профессиональных классов, если он будет делать эти упражнения, он сделается практическим мыслителем о самых повседневных вещах. Упражняясь таким образом, он схватывает и видит вещи совершенно иначе. И какими бы внутренними не казались сначала эти упражнения, они пригодны как раз для внешнего мира, они наиболее важны именно для внешнего мира, они имеют важные последствия.

Я хочу показать вам на примере, как необходимо действительно практически мыслить о вещах. Кто-нибудь влез по лестнице на дерево и что-то там сделал, он падает, разбивается и умирает. Конечно, первая мысль, что он убится при падении. Скажем, что падение было причиной, а смерть была следствием. Здесь кажется, что причина и следствие связаны друг с другом. В этом может оказаться великая путаница. Может быть, с ним наверху случился разрыв сердца, так что он упал вследствие разрыва сердца. Наступило совершенно то же самое, как если бы он упал живым, он проделал совершенно то же самое, что могло бы действительно явиться причиной его смерти. Таким образом можно совершенно смешать причину со следствием. В этом примере это бросается в глаза, но часто допущенная ошибка не так очевидна. Такие ошибки мышления происходят необычайно часто, следует сказать даже, что в настоящее время в науке ежедневно выносятся такие суждения, где действительно таким образом смешивают причину и следствие. Только люди этого не понимают, потому что не представляют себе иной возможности мышления.

Можно привести ещё один пример, который может сделать для нас совершенно наглядным, как создаются такие ошибки мышления, и покажет вам, что у человека, делающего приведённые сегодня упражнения, такие ошибки уже не могут произойти. Возьмите следующее: учёный говорит себе, что человек, каким он является в настоящее время - происходит от обезьяны; итак, те способности, которые я наблюдаю в обезьяне, совершенствуются, и затем из этого получается человек. Чтобы теперь представить себе мыслительное значение этого, сделаем следующее предположение: представим себе, что человек, которому предстоит сделать подобное заключение, благодаря каким-либо обстоятельствам оказался совершенно один на Земле. Кроме него были только те обезьяны, о которых его теория говорит, что от них могут произойти люди. Он тщательно изучает эту обезьяну, составляет себе детальное понятие о том, что в ней заключается. Теперь пусть он попытается из понятия обезьяны дать возникнуть понятию о человеке, если он ещё не видел человека. Он увидит, что никогда к этому не придёт, его понятие "обезьяны" никогда не превратится в понятие "человека".

Будь у него правильные привычки мышления, он должен был бы сказать себе: "Итак, моё понятие не претворяется во мне так, чтобы из понятия обезьяны получилось понятие человека, таким образом, то, что я вижу в обезьяне, не может превратиться в человека, иначе моё понятие также должно было бы превратиться в человека". Итак, сюда входит ещё нечто такое, чего я не могу видеть. Этот человек, таким образом, должен был бы за чувственной обезьяной увидеть нечто сверхчувственное, чего он не может воспринять и что только и могло бы перейти к человеку.

Не будем вдаваться в возможность такого положения вещей, но укажем только на ошибку мышления, лежащую за этой теорией. Если бы человек мыслил правильно, он был бы приведён к тому, что он не должен так мыслить, если он не хочет предположить нечто сверхчувственное. Если вы думаете о положении

вещей, то увидите, что целым рядом людей здесь сделаны грандиозные ошибки мышления. Таких ошибок не будет делать тот, кто указанным образом воспитывает своё мышление.

Для того, кто действительно умеет правильно мыслить, большая часть всей современной литературы, в особенности естественнонаучной, благодаря таким неверным искажённым мыслям, становится источником страданий, доходящих до физической боли, когда ему приходится в неё вчитываться. Этим абсолютно ничего не должно быть сказано против огромного количества наблюдений, приобретённых этим естествознанием и его объективными методами.

Теперь мы приходим к главе, связанной с близорукостью мышления. Это действительно так, что человек обыкновенно не знает, что его мышление не слишком отвечает делу, но большей частью является следствием привычек мышления. Таким образом, у того кто разбирается в мире и жизни, суждения сложатся совершенно иначе, нежели у того, кто мало или совсем не разбирается в этом, например, мыслителя - материалиста. Убедить кого-нибудь доводами, как бы они ни были вески и хороши, - нелегко. Стараться убедить доводами того, кто знает мало, часто является тщетным трудом, так как он вовсе не принимает доводов, на основании которых утверждается то или иное. Если он, скажем, приучился видеть только одну материю, то он держится именно этой привычки мышления.

В общем, в настоящее время не доводы ведут человека к утверждениям, но за доводами стоят привычки мышления, которые он себе усвоил и которые оказывают влияние на всё его чувство и ощущение. Когда он приводит довод, то перед его чувством и ощущением становится только маска и привычка мышления. Таким образом, мысли часто порождаются не только желанием, но и всеми чувствами и привычками мышления. Кто разбирается в жизни знает, как мало можно в ней убедить кого-нибудь логическими доводами. Решает нечто гораздо более глубокое в душе, чем логические доводы.

Так, например, существует наше антропософское движение, и то, что оно работает в своих группах имеет свои хорошие основания. Каждый замечает, что, проработав некоторое время в этом движении, он усвоил себе другое мышление, чувство и ощущение, ибо, работая в группах, занимаются не только отысканием логических доводов для чего-либо, но приобретают более всеобъемлющее чувство и ощущение.

Как насмеялся несколько лет тому назад один человек, впервые слышавший духовнонаучную лекцию - а сегодня для него стали прозрачными многие вещи, которые он ещё незадолго до того считал, быть может, абсурдными. Работая в антропософском движении, мы не только претворяем наши мысли, но мы учимся вводить душу в более далёкую перспективу. Мы должны уяснить себе, что окраска наших мыслей исходит из гораздо более глубоких оснований, чем обыкновенно думают. Известные ощущения, известные чувства навязывают человеку мнения. Логические доводы часто являются только масками для чувств, ощущений и привычек мышления.

Привести себя к тому, чтобы логические доводы для нас что-нибудь значили, - для этого нужно научиться любить саму логику. И только когда научатся любить объективность, закономерность вещей, логические доводы становятся решающими. Постепенно научаются, так сказать, независимо от пристрастия к тем или иным мыслям, думать объективно, и тогда взгляд расширяется и становится практическим, но не таким практическим, когда можешь мыслить лишь проторёнными путями, но мыслить научаешься из самих вещей.

Действительный опыт есть дитя соответствующего мышления, мышления, вытекающего из вещей. Мы научаемся получать побуждения от вещей лишь тогда, когда мы делаем такие упражнения, и при том такие упражнения должны быть проделаны над здоровыми вещами. Это такие вещи, к которым наименее причастна человеческая культура, которые наименее извращены: объекты природы. И упражнения над объектами природы, как это было описано, делают нас практически мыслителями. Это действительно практично. Самое повседневное занятие будет понято практически, если мы воспитаем главный элемент: мышление. Благодаря тому, что мы упражняем человеческую душу таким образом, как это было описано, формируется практическая ориентация мышления. Плодом духовнонаучного движения должно быть то, что оно пойдёт в жизнь действительных практиков. Не так важно то, что человек может считать то или иное истинным, а важно то, что он достигает возможности правильно разбираться в вещах. Гораздо важнее то, каким образом Антропософия проникает в душу и руководит деятельностью нашей души, расширяя наш кругозор, чем то, чтобы мы теоретизировали от чувственных вещей к духовному. В этом Антропософия является чем-то действительно практическим.

Это важная миссия антропософского движения, чтобы человеческое мышление приобрело подвижность и научилось видению духа за вещами. Если антропософское движение разовьёт такие убеждения, то оно породит культуру, не замкнутую своим мышлением в стенах вагона. Они вольются в душу. И когда душа научится размышлять о великих явлениях жизни, научится она верно думать и о столовой ложке. И беря ложку, и забивая гвоздь, и вешая картину, будут осуществлять практичность мышления. И важно, чтобы мы учились видеть душевно-духовную жизнь как целое, и благодаря этому становились более и более практичными.